

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu11.2015.3.9>

УДК 159.9.019.2

ББК 88.4

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РАБОТАХ ЛАЙОША СЕКЕЯ

Владимир Александрович Мазил

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Институт педагогики и психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
v.mazilov@yspu.yar.ru
ул. Республиканская, 108, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются взгляды на творчество и творческое мышление известного психолога и психоаналитика Лайоша Секея (1906–1995). Сопоставляются работы, выполненные в разные годы, делается вывод об эволюции взглядов Секея. Автором выполнены исследования творческого мышления во время творческой паузы, разделенные почти тридцатилетним промежутком (1940 и 1968 гг.). Сопоставительный анализ позволяет зафиксировать изменения позиций. Особенно важно отметить органичное соединение идей гештальтпсихологии с положениями психоанализа и конструктивное использование идей Ж. Пиаже и Дж. Брунера.

Ключевые слова: мышление, творческий мыслительный процесс, Л. Секей, психоанализ, сознание, бессознательное, репрезентация, творческая пауза.

Вся жизнь и деятельность Лайоша Секея (1906–1995), замечательного психолога и психоаналитика, прошла в бурном XX столетии. Мы хотим подчеркнуть, что научная биография Лайоша Секея шире узких рамок отдельных направлений. Не подлежит сомнению, что он начинал как яркий представитель гештальтпсихологии – направления в психологии, которое в первой трети XX в. служило образцом научности. В 30-е гг. школа гештальтпсихологии почти в полном составе переместилась в США. Секей в силу обстоятельств остался в Европе, и хотя его ранние работы несомненно относились к этому направлению, в исследованиях по истории гештальтпсихологии его чаще всего не причисляют к этому направлению. В скандинавский период жизни Секей активно занимался психоанализом, что нашло отражение в соответствующей литературе [11]. К сожалению, дело представляется так, будто Секей был лишь представителем

психоанализа в Скандинавии, способствовал его популяризации и распространению в этом регионе Европы. Секей был прежде всего психологом-новатором, внесшим существенный вклад в исследование механизмов творческого мышления благодаря синтезу научных идей и комплексу различных методов, взятых из разных исследовательских подходов (психоанализа, в частности).

Лайош Секей (20 октября 1904 – 28 июня 1995). Л. Секей, венгерский психолог, получил биологическое образование, ученая степень присвоена в 1930 году. В 1930 г. вынужден был покинуть Венгрию. Как отмечает М.В. Волкова, Секей встретился с Ференци и стремительно погрузился в психоанализ. После 1932 г. переехал в Нидерланды. Знакомство с Ф. Перлзом привело к тому, что Секей окончательно переориентировался с биологии на психоанализ. Интересно, что он работал «в нескольких самых знаменитых психологических

и психиатрических институтах Европы: во Франкфурте-на-Майне у Макса Вертгеймера, в Гейдельберге – у Груле, в Амстердаме – у Гезы Ревеша и в Ленинграде в научном институте им. В.М. Бехтерева» [11, с. 562]. Заслуживает внимания пребывание Л. Секея в СССР: в 1936 г. Секей с женой приезжают в Москву. В первый же день происходит личное знакомство с А.Р. Лурией, с которым ранее переписывались, приглашение к нему на обед. «Всемирно известный профессор жил в крошечной двухкомнатной квартире». Далее – работа в Бехтеревском институте. Рождение дочери. Чувство счастья, поездка в Крым. И – ощущение политики Сталина, репрессии. В ноябре 1938 г. они отбывают на поезде в Хельсинки. Начав серию экспериментов по психологии мышления в Хельсинкском университете, Лайош Секей становится ассистентом Д. Каца (Стокгольмский университет) (1944–1945). А также членом шведской психоаналитической ассоциации. Жена Секея, Edith Székely, урожденная Sussmanowitz (1909–2012), известный психоаналитик (Волкова, 2014). «В ранних своих публикациях Шекели (Секей. – В. М.) исследовал творческие процессы главным образом в рамках гештальттеории, но и в тех экспериментальных исследованиях уже проявлялся его зарождающийся интерес к психоанализу» [11, с. 567].

Неверно было бы представлять дело так, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись бы всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (Макс Вертгеймер, Курт Коффка, Вольфганг Келер, Норман Майер, Лайош Секей и др.) [18–24; 27; 28] зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу исследования попало и мышление. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, геш-

тальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, пафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л.С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «соревновался» с исследованиями гештальтистов [2; 10].

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции школы (в первую очередь В. Вундту, Вюрцбургской школе, О. Зельцу, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления о мышлении.

Как уже отмечалось, гештальтистские представления о мышлении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно выделить три этапа:

I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Коффки, В. Келера и др., выполненные в 20-х гг.).

II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 30–40-е гг.).

III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 50–70-е гг.).

Если первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное освещение, то третий практически отражения не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальному установкам. Уже в работах К. Дункера [19] со-

держится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении задач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), находят отражение операционные и мотивационные характеристики мышления.

Таким образом, работы второго этапа развития гештальттеории мышления сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайоша Секея, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны. Первое исследование Л. Секея (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, – возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в переструктурировании материала [25, S. 79]. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления: анализ ситуации и анализ цели, выявляет роль направления, которое принимает мышление (в зависимости от того, идет оно как анализ цели – «что мне нужно, чтобы достичь?» или как анализ ситуации – «что нужно изменить в данном?»), в решении (или нерешении) задачи.

Важно отметить, что, по Секею, мышление не представляет собой «единообразного» во всех случаях процесса: переструктурирование мыслительного материала происходит не всегда, более того, эта переорганизация нужна в протекании не каждого мыслительного процесса. Хотя нельзя не отметить и появления новых мотивов. В частности, появляется интерес к неосознаваемым компонентам мышления. Со времен Пуанкаре было известно, что «большое» творческое мышление имеет бессознательные фазы. Секей – в чем его несомненная заслуга – ставит вопрос применительно к мышлению, связанному с решением «практических» проблем. Секей ставит центральный вопрос: к какой области

душевного аппарата принадлежит это пере-структурирование мыслительного материала, приводящее к решению задачи? Многие указывают на то, что это тесно связано с бессознательным. Цель исследования, предпринятого Л. Секеем, «проследить ускользающее от восприятия и самоконтроля возникновение созидательной идеи и несколько прояснить ее структуру» [25, S. 79]. Испытуемые получали «практическое задание», для решения которого не нужны были специальные знания. Использовалась задача «на равновесие». Испытуемый садился за стол, на котором находились: трехгранная призма; деревянная планка; латунный кружок, который подходит к планке, но его отверстие так узко, что он не может по ней скользить; наполовину заполненный спичками коробок; огарок свечи; маленький игрушечный мышонок и маленькая игрушечная кошка из фетра; семь пар цилиндров различной тяжести. Планку на ее концах нужно загрузить какими-нибудь из имеющихся предметов и установить в положении равновесия на тупом конце призмы. Планка должна быть положена поперек ребра, а не параллельно ему. Задание состоит в следующем: «сделать так, чтобы планка оставалась лежать на призме только примерно две-три минуты, а после истечения этого промежутка времени сама опрокидывалась. “Сама опрокидывалась” означает, что расположения предметов, однажды уже приведенных в равновесие, нельзя касаться ни прямо, ни косвенно: сооружению предоставляется полная самостоятельность, и оно должно совершенно спонтанно опрокинуться через некоторое время» [25, S. 83]. Правильное решение задачи состоит в том, что планка должна быть уравновешена так, чтобы с одной стороны находился зажженный огарок свечи – потеря веса в результате горения приведет с течением времени к необходимому нарушению равновесия. Задача представляет известную трудность для испытуемых. Анализируя ход решения задачи, Секей отмечает, что в протоколах экспериментов у некоторых испытуемых отмечалось «состояние бесплановых действий, рассеянности, разбросанности, из которого и возникало готовое решение» [25, S. 83].

Согласно Секею, только небольшая часть процесса мышления протекает в вер-

бальной форме, наибольшая же связана с моторным или сенсомоторным кодами. По Секею, мышление имеет выраженный фазный характер: «Процесс мышления можно представить себе как непрерывный переход от вопроса к ответу, затем осуществление на практике, критика, новый вопрос, ответ и т. д.» [25, S. 83]. В этой работе Секей вводит широко известное понятие о «латентных свойствах». Представляется полезным напомнить о трактовке, которой придерживается сам автор: он говорит о свойствах не предмета, а представления о нем. «Мы хотим так выразить это положение: потеря веса при горении – свойство свечи, которое не используется для организации ее структуры в нашем сознании. Поэтому это объективно существующее свойство может быть названо латентной чертой мысленного образа свечи» [25, S. 89]. Испытуемый сообщает: «сначала я манипулировал со свечой как твердым телом». До этого он манипулировал с целым рядом твердых предметов. Когда очередь дошла до свечи, латентное свойство свечи вдруг выдвигалось на передний план, а качества раньше значительные отодвигались «на второй план». Если трудность основана на том обстоятельстве, что необходимое свойство трудно найти в твердых телах, то задача должна решаться гораздо легче, если среди предметов будут легко испаряющиеся, летучие вещества. Чтобы проверить это, вводили вариацию опыта: к семи предметам добавляли восьмой – маленькую бутылочку с эфиром или бензином. Опыты однозначно подтверждают предположение: даже «слаборазвитые паралитики» легко решают задачу в этом случае [25, S. 89]. «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» [25, S. 87]. «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены определенные функции, но в зависимости от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из которых только немногие известны сейчас» [25, S. 88]. Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, неявное, ла-

тентное свойство предмета. По Секею, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования... принадлежит собственно к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» [25, S. 94]. Проанализируем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальтпсихологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;
- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);
- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;
- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);
- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделенных исходных характеристик мышления оказались подвергнутыми пересмотру. В цикле последующих работ Секея (40-е – начало 50-х гг.) происходит разработка проблем, поставленных в первых экспериментальных исследованиях: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т. п. Это исследования, соответствующие второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (50–70-е гг.) теория мышления трансформируется за счет взаимодействия объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанали-

за и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переорганизацию мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968) [26], посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. Фактически, эта работа выполнена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 года. Эти исследования разделяет почти тридцать лет. Каковы основные отличия в понятийном аппарате и подходе к изучению мышления?

Обратимся ко второй работе Секея [26]. Секею удалось разработать особый метод. Это использование традиционных психоаналитических процедур для исследования мышления, решения творческой задачи, имеющей практическое значение. «Во время изучения одного очень одаренного технолога представился редкий случай проследить интимные подробности мыслительной работы при решении конструкторской задачи. Его мышление иногда теряло самостоятельность и втягивалось в сферу невротического конфликта. Анализ такого конфликта привел к тому, что мыслительный процесс опять восстановился и продвинулся вперед» [26, S. 140]. Свою позицию Секей фиксирует как позицию «когнитивной психологии», противопоставляя ее «психологии факторов».

Он отмечает два основания «когнитивной психологии»: 1) временную характеристику – мыслительные процессы являются изменениями во времени. Это время может быть измерено минутами, часами, днями, неделями, месяцами или годами. В лаборатории поиск решения задачи длится минуты или часы. В «свободной природе» для этого нужно, как правило, более длительное время: от первого изумления до завершения теории относительности Эйнштейн размышлял более двадцати лет; 2) предпосылку внутренней репрезентации. Репрезентация, согласно Секею, есть некая гипотетическая структура, с помощью которой человеческое существо организует свой опыт для будущего употребления (или зло-

употребления). Что касается второго основания, то здесь заметно влияние исследований Ж. Пиаже и Дж. Брунера. Пристальное внимание к исследованию организации структур опыта – то новое, чего явно не хватало в работе 1940 года.

Секей подчеркивает, что протекание изобретающего мышления, которое происходит «в жизни», нельзя наблюдать непосредственно, так как оно может длиться, как правило, дни, недели, месяцы. При детальном анализе хода решения задачи полезно различать: 1) содержание мышления; 2) этапы (фазы) мышления; 3) механизмы мышления; 4) уровни организации мышления. Под содержанием мышления Секей понимает не только то, что представляет «конечный продукт мышления», готовую мысль, но и мыслительное содержание, которое возникает по ходу развития мышления, возможно, впоследствии отвергается и в конечном продукте больше не заметно. Секей также различает первичные и вторичные элементы содержания: первичными являются слова, зрительные образы, двигательные образы, кинестетические элементы, которые включаются в мыслительный процесс, вторичными – классы и отношения. Под фазами или этапами мышления Секей понимает перемены в процессе мышления, как они были подробно описаны Дункером. Каждый период представляет (по отношению к предыдущему) преобразование, трансформацию и уточнение решения задачи, по отношению же к последующему – уточнение постановки проблемы. В механизмах мышления Секей различает манипуляции и операции: манипуляции – это мыслительные действия, которые выполняются на реальных предметах, а операции представляют собой интериоризированные манипуляции, которые производятся не с реальными предметами, а с символами, понятиями, логическими отношениями. Понятие уровня организации относится к таким свойствам протекания мышления, как толерантность – нетолерантность к противоречиям, толерантность – нетолерантность к нереалистическим представлениям и предположениям.

Содержание мышления (как и само протекание мышления) может быть как сознательным, так и неосознанным. Центральным понятием в этой работе является «творчес-

кая пауза»: центральный и наиболее загадочный этап мышления. «Выражением творческой паузы мы можем обозначить интервал времени, который начинается, когда размышляющий прерывает свое занятие с нерешенной проблемой, и заканчивается, когда внезапно и неожиданно возникает решение проблемы или идея. В сознании творческая пауза заполняется активностью, не связанной с проблемой. Длительность творческой паузы может сильно варьировать. При продуцировании остроумия, к примеру, она составляет только несколько секунд или даже только доли секунды, так что факт творческой паузы совсем не замечается. В других случаях творческая пауза может длиться часы, дни, недели и годы» [26, S. 145].

Отметим, что творческая пауза – это тот этап мышления, который практически невозможно «смоделировать» в лаборатории. Это тот этап, который отличает подлинно жизненное практическое мышление от его лабораторных искусственных моделей. Предварительная гипотеза, формулируемая Секеем: во время творческой паузы мобилизуется как имеющийся у субъекта по различным поводам опыт, так и основанные на нем выводы, они интегрируются, «принимаются во внимание» в общем поле [26, S. 149]. Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс до и после творческой паузы. «Во время творческой паузы учет каузального строения действительности незначителен, а иногда совсем отсутствует. Это мышление фантазирующее. Можно играть с идеей, устанавливать нереалистические, недействительные, неправдоподобные связи, и тогда возникают самые рискованные аналогии. Те аспекты, которые находятся в центре внимания реалистического мышления, могут быть забыты, а другие, которые образуются едва замечаемым фоном, могут быть приняты во внимание и получить четкое освещение» [26, S. 149–150]. Размышляющий, согласно Секею, совсем не осознает этого. Он не знает о том, что он, сознательно занимаясь чем-нибудь другим, удерживается как-то на своей проблеме. Так как каузальное строение той части действительности, которой занимается размышляющий, никогда не может быть пол-

ностью известным, то строгие ограничения конвенционального мышления не способствуют решению некоторых задач. Играющее мышление во время так называемой творческой паузы имеет шанс охватить те связи, которые могут быть применены для решения проблемы.

Для понимания подхода Секея на этом этапе важно понятие «репрезентативный мир». Остановимся на нем несколько подробнее. Секей пишет, что под выражением «репрезентативный мир» следует понимать такие гипотетические структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве. Эти структуры организуются из впечатлений. Впечатления происходят, с одной стороны, из действительности внешнего мира, с другой стороны, возникают через ощущения из глубин собственного тела или из самого психического аппарата, как, например, радость, удовлетворение, желание, напряженность потребности и т. д.

Чрезвычайно интересны рассуждения Секея о рождении репрезентации: «В первые годы жизни автономия Я-функции еще рудиментарна. Построение репрезентативного мира происходит при господстве инстинктов и объективных отношений. Каким образом руководимый инстинктивными желаниями ребенок обогащает свои знания об обстоятельствах внешнего мира, как он экспериментирует, наблюдает, делает открытия и выводы из информации, приобретенной по необходимости, все это оставляет следы в структуре репрезентативного мира. Проблема, как в потоке разнообразных впечатлений вырабатываются «сходство» и «различие», приковывала интересы мыслителей от Аристотеля до Фрейда и Пиаже» [26, S. 154]. «В наброске 1895 г. Фрейд выдвинул гипотезу, что для понимания перцептивного комплекса необходим соматический опыт, особенно кинестетические и моторные образы памяти. В одной из своих работ я продолжил эту линию мысли (Секей, 1952) и подкрепил наблюдениями за детьми. Я ссылаясь на то, что двухлетний ребенок, видя в первый раз дефекацию у птицы, уже может понять, что делает птица. Это основывается не на том, что ребенок открывает сходство между теперешним, зрительным восприятием и каким-либо более ранним визуальным опытом, или образами памяти.

Дефекация знакома ребенку исключительно как приятное или неприятное телесное явление, о котором он имеет только кинестетические образы памяти. Актуальный визуальный опыт организуется под влиянием инстинктивных интересов и следов памяти телесного опыта» [26, S. 154].

Секей отмечает, что психическая организация мира опыта, главным образом поиски сходства и различия, протекает у маленьких детей по другим организационным принципам, чем у старших детей. Секей указывает, что различия первичных и вторичных процессов недостаточно, необходимо описать также сенсорные модальности и их доминирование. «Характеристика того, чего могут достигнуть зрительные ощущения, есть то, что они обеспечивают существование константных, идентифицируемых предметов» [26, S. 155].

Когда маленький ребенок начинает характеризовать внешний мир, зрительные ощущения еще не доминируют. Впечатления, которые идут из глубины организма или с поверхности тела, играют основную роль при организации репрезентаций. Когда развитие прогрессирует, кинестетическая часть все более и более отделяется от визуальной и подавляется. Принципиально важно, что «при некоторых фазах творческого процесса такие первоначальные репрезентации возобновляются снова. К этому привлекается соматическая часть репрезентаций, которая принимает важное участие, когда мышление покидает наезженный путь и перерастает конвенциональные границы. Критическое мышление может тогда замечать через обострившийся анализ оригинальное сходство, скрытые аналогии и приходиться к поразительному синтезу. В дальнейшем этот гипотетический репрезентативный мир может быть понят через его функции. <...> Первая – то, что объект репрезентируется, то есть мы пользуемся внутренними репрезентациями вместо объекта. Вторая функция репрезентативного мира в том, что он может служить “путеводителем”» [26, S. 155].

Мы знаем, согласно Секею (или только полагаем, что знаем), что мы можем ожидать от объектов, как они будут вести себя в среднем прогнозируемом мире. По Секею, «неко-

торые виды ожиданий принадлежат к старейшим функциям душевной жизни. Уже ребенок в возрасте нескольких недель прекращает кричать, когда его поднимает мать. Он ждет: кормление, исчезновение неприятного голода, приятное чувство насыщения. Оптический и тактильный образ матери недифференцированно сливается с впечатлением собственного самочувствия и удовлетворения. Такие архаические или изначальные ожидания возникают задолго до организации собственно репрезентативного мира. Вероятно, дело выглядит так, что архаические ожидания являются первыми зачатками организации, вокруг которых и исходя из которых постепенно строится репрезентативный мир. Отсюда ясно, что ожидания являются стабильнейшими, наиболее стойкими элементами структуры репрезентативного мира» [26, S. 156].

Секей приводит многочисленные данные, свидетельствующие о том, что такого рода ожидания являются препятствием при разрушении органических основ функционирования психического. Больные агнозической афазией не могут назвать предметы, но могут сказать, для чего они служат и как могут быть применены, пациенты с агнозиями, которые не узнают предметов, могут на время опознать объекты в системе действия, когда намереваются сделать что-то определенное.

Секей в своей работе приводит уникальный материал, представляющий аналитическое толкование процессов, происходивших у господина Тэта. Господин Тэта, талантливый инженер-конструктор, который решал «кристаллографическую проблему», связанную с разработкой метода шлифовки кристаллов алмазов для изготовления точных измерительных инструментов, и одновременно проходил психоанализ у Секея. Автор работы сам характеризует метод своей работы: «Это редкое счастье, когда исследователю удается выяснить тот мыслительный процесс, который происходит во время творческой паузы, и к концу творческой паузы делает возможным решение проблемы. Мне повезло. Возможность этого дали сны, которые Тэта видел во время этого периода. Многие элементы проблемы выступали в содержании сна. Желание решить проблему проявлялось как в сознании, так и в инфантильных аспектах бес-

сознательных мыслей во сне. Аналитическое толкование выделило конец творческой паузы. Его реакцией на некоторые толкования было не всплытие вытесненных детских воспоминаний, а то, что он решил свою проблему, продвинулся вперед» [26, S. 156–157].

На протяжении шести недель наблюдалась работа над решением кристаллографической проблемы. Технолог «господин Тэта» пользовался психоаналитическим лечением и автору еженедельно четыре раза предоставлялся случай проследить ход мыслительной работы. Некоторые поворотные пункты в продвижении мышления произошли на аналитической кушетке в связи с толкованиями. Это обстоятельство дало возможность реконструировать предсознательные мыслительные процессы и участие бессознательных конфликтов. Реконструкции хода мышления почти без пробелов способствовало то обстоятельство, что технолог много спонтанно говорил о своей работе, о своих идеях, планах, поисках и неудачах. Это исключение, отмечает Секей, что ученый или техник при анализе заводит такой обстоятельный разговор о своей работе.

Аналитик толковал как «непатогенные» желанья, связанные с настойчивым стремлением достичь решения «кристаллографической проблемы», так и инфантильные патогенные конфликты. Они были анально-садистской природы и были направлены против матери. Мыслительная работа оказалась втянута в сферу этого конфликта. Психоаналитическая проработка конфликта привела к тому, что мышление освободилось от рамок патогенного конфликта и смогло двигаться дальше. Секей резюмирует: «Решение задачи представляет собой ряд шагов. Каждый шаг имел двоякий характер: своему предшественнику он представлял разрешение проблемы, но своему преемнику он проблему ставил. Весь процесс мышления может быть описан как постепенное преобразование и уточнение проблемы и решения. Каждая постановка проблемы приводит в действие избирательную поисковую активность, направленную на отыскание способов решения в репрезентативном мире. Это может протекать одновременно или по очереди на различных уровнях организации мышления. Во время сознательного и активного занятия с проблемой зона поиска, откуда

изыскивается способ решения, определяется преимущественно через знания о каузальном строении действительности. Во время паузы учет рациональных возможностей в большей или меньшей степени отступает на задний план. Зона поиска меняется на инфантильную область репрезентативного мира, привлекаются подсказывающие метафоры. Для решения многих проблем мобилизация детских представлений является необходимостью, но это должно пройти через зрелые механизмы мышления» [26, S. 167].

Эти работы Секея показательны во многих отношениях. Стоит обратить внимание на то, что гештальтпсихология в лице Л. Секея проделала большой путь. Подчеркнем, что сам Секей предпочитает характеризовать свой подход как когнитивный. Вероятно, это справедливо. Результатом стало соединение «научности» и «жизненности»: представляется, что Секей в значительной степени разработал психологию, которая соединяет науку и жизнь – в этом смысле, несомненно, является продолжением традиции, заложенной в ранних работах М. Вертгеймера. Показательно, что изучается не лабораторная модель, а сама жизнь, то мышление, которое существует в реальной жизни и направлено на решение конкретной проблемы. То, что это проблема техническая, подчеркивает практический, конкретный характер мышления. Это, по-видимому, практическое мышление. То, что это проблема творческая, подчеркивает продуктивный характер мышления. Здесь мы имеем дело с подлинным, настоящим созидющим мышлением. Наконец, мы видим, что мышление действительно «интимно-личностный» процесс, включающий в себя не только рациональный опыт.

Другой важной особенностью работ Секея является то, что для достижения жизненности автор использует комплексный, интегративный подход: как мы видели, активно «применяются», с одной стороны, разработки Пиаже и Брунера, связанные с понятиями «репрезентации» и «операции», с другой – психоаналитические исследования. Это чрезвычайно конструктивный подход. И, представляется, что он выражает «магистральную тенденцию» в современных исследованиях мышления. Система остается принципиально «от-

крытой». В данном контексте уместно заметить, что сам Секей подчеркивает намеренное использование «размытого» понятийного аппарата: «Понятийный аппарат намеренно нечеткий. Например, остается открытым вопрос, как подчинить друг другу понятия “скрытая аналогия”, “противоположное применение”, фазы мышления, шаги мышления. По мнению автора, наблюдение и описание отдельных процессов мышления должно предшествовать уточнению терминов» [26, S. 167].

Важно, что в работе Секея, фактически, осуществляется идеал «романтической науки», предполагающий конструктивное взаимодействие номотетического и идиографического подходов (см. подробнее: [7; 8]).

Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами [4; 9]. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, так как постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания [3; 5; 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинченко, В. П. Вступительная статья / В. П. Зинченко // Вертгеймер М. Продуктивное мышление. – М., 1987. – С. 5–26.
2. Мазилев, В. А. Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности / В. А. Мазилев // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2005. – Вып. 1 (9).
3. Мазилев, В. А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы / В. А. Мазилев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4, № 2. – С. 3–21.
4. Мазилев, В. А. Методология современной отечественной психологии / В. А. Мазилев // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, № 3. – С. 9–24.
5. Мазилев, В. А. Научная психология: проблема объяснения / В. А. Мазилев // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, № 1. – С. 58–73.
6. Мазилев, В. А. О предмете психологии / В. А. Мазилев // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1, № 1. – С. 55–72.
7. Мазилев, В. А. Проблема мышления в гештальтпсихологии / В. А. Мазилев // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 1990. – С. 66–75.
8. Мазилев, В. А. Психология практического педагогического мышления как романтическая наука / В. А. Мазилев // Психология педагогического мышления: теория и практика : сб. ст. – М. : ИП РАН, 1998. – С. 66–81.
9. Мазилев, В. А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) / В. А. Мазилев // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, № 1. – С. 61–85.
10. Мазилев, В. А. Целостность и интеграция в психологии : (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) / В. А. Мазилев // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. – 2005. – Вып. 1 (3). – С. 38–40.
11. Мур, Н. Психоанализ в Скандинавии / Н. Мур // Энциклопедия глубинной психологии. – Т. 2. – М., 2001. – С. 558–585.
12. Секей, Л. Знание и мышление / Л. Секей // Психология мышления. – М. : Прогресс, 1965. – С. 343–365.
13. Секей, Л. К проблеме доступности решения задач и магическое тестирование / Л. Секей // Психология мышления. – М. : Прогресс, 1965. – С. 387–396.
14. Секей, Л. Продуктивные процессы в обучении и мышлении / Л. Секей // Психология мышления. – М. : Прогресс, 1965. – С. 366–386.
15. Фресс, П. Развитие экспериментальной психологии / П. Фресс // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – М. : Прогресс, 1966. – Вып. 1,2. – С. 15–98.
16. Ярошевский, М. Г. Гештальтпсихология / М. Г. Ярошевский // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах: Общая психология. – М. : PerSe, 2005. – С. 44.
17. Bartlett, F. C. Thinking: an experimental and social study / F. C. Bartlett. – L. : Allen and Unwin, 1958. – 203 p.
18. Berline, D. E. Structure and Direction in Thinking / D. E. Berline. – N. Y. : Wiley, 1965. – 378 p.
19. Duncker, K. On Problem-Solving / K. Duncker // Psychological Monographs. – 1945. – Vol. 58, № 5. – P. 1–113.
20. Koffka, K. Principles of Gestalt-psychology / K. Koffka. – N. Y. : Harcourt Brace & Co, 1935. – 720 p.
21. Köhler, W. Gestalt-psychology today / W. Köhler // American psychologist. – 1959. – Vol. 14, № 12. – P. 727–734.

22. Köhler, W. *Psychologie de la forme* / W. Köhler. – P. : Gallimard, 1964. – 375 p.

23. Radford, J. *Thinking: it's Nature and Development* / J. Radford, A. Burton. – L. : Wiley, 1974. – 440 p.

24. Schulz, D. P. *A History of modern Psychology* / D. P. Schulz. – N. Y., L. : Acad. Press, 1969. – XVII, 346 p.

25. Szekely, L. *Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls* / L. Szekely // *Acta Psychologica*. – 1940. – Vol. 5, № 1. – S. 79–96.

26. Szekely, L. *Die Schöpferische Pause* / L. Szekely // *Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken: Beitrage*. – Bern u. a. : Hüber, 1976. – S. 140–170.

27. Szekely, L. *Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen Über das Kreative Denken* / L. Szekely // *Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken*. – Bern u. a. : Hüber, 1976. – 358 s.

28. Wertheimer, M. *Productive Thinking*. Enl. ed. (First Ed., 1945) / M. Wertheimer. – L. : Ass. Book Publ., 1966 (First Ed., 1945). – 302 p.

REFERENCES

1. Zinchenko V.P. *Vstupitel'naya statya* [Introduction Article]. *Vertgeymer M. Produktivnoe myshlenie* [Vertgeymer M. Productive Thinking]. Moscow, 1987, pp. 5-26.

2. Mazilov V.A. *Integrativnye tendentsii v psikhologii: geshtaltpsikhologiya i problema tselostnosti* [Integrative Tendencies in Psychology: Gestalt Psychology and the Problem of integrity]. *Chelovecheskiy faktor: sotsialnyy psikholog*, 2005, iss. 1 (9).

3. Mazilov V.A. *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: problemy i perspektivy* [The Methodology of Psychological Science: Problems and Prospects]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2007, vol. 4, no. 2, pp. 3-21.

4. Mazilov V.A. *Metodologiya sovremennoy otechestvennoy psikhologii* [The Methodology of Modern Domestic Psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2008, vol. 3, no. 3, pp. 9-24.

5. Mazilov V.A. *Nauchnaya psikhologiya: problema obyasneniya* [Scientific Psychology: the Problem of Explaining]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2008, vol. 3, no. 1, pp. 58-73.

6. Mazilov V.A. *O predmete psikhologii* [On the Subject of Psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 55-72.

7. Mazilov V.A. *Problema myshleniya v geshtaltpsikhologii* [The Problem of Thinking in Gestalt].

Poznavatelnye protsessy: teoriya, eksperiment, praktika [Cognitive Processes: Theory, Experiment, Practice]. Yaroslavl, YarGU Publ., 1990, pp. 66-75.

8. Mazilov V.A. *Psikhologiya prakticheskogo pedagogicheskogo myshleniya kak romanticheskaya nauka* [The Psychology of Practical Pedagogical Thinking as a Romantic Science]. *Psikhologiya pedagogicheskogo myshleniya: teoriya i praktika: sbornik statey* [Psychology of Pedagogical Thinking: Theory and Practice. Collected Articles]. Moscow, IP RAN Publ., 1998, pp. 66-81.

9. Mazilov V.A. *Stanovlenie metoda psikhologii: stranitsy istorii (metod introspektzii)* [Formation Methods of Psychology: the Pages of History (the Method of Introspection)]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2007, vol. 2, no. 1, pp. 61-85.

10. Mazilov V.A. *Tselostnost i integratsiya v psikhologii: (Nekotorye metodologicheskie problemy psikhologicheskogo issledovaniya)* [The Integrity and Integration Into the Psychology (Some Methodological Problems of Psychological Research)]. *Vestnik integrativnoy psikhologii: zhurnal dlya psikhologov*, 2005, iss. 1 (3), pp. 38-40.

11. Mur N. *Psikhoanaliz v Skandinavii* [Psychoanalysis in Scandinavia]. *Entsiklopediya glubinnoy psikhologii* [Encyclopedia of Innermost Psychology]. Moscow, 2001, vol. 2, pp. 558-585.

12. Sekey L. *Znanie i myshlenie* [Knowledge and Thinking]. *Psikhologiya myshleniya* [The Psychology of Thinking]. Moscow, Progress Publ., 1965, pp. 343-365.

13. Sekey L. *K probleme dostupnosti resheniya zadach i magicheskoe testirovanie* [On the Problem of Accessibility of Solution of Tasks, and Magical Tests]. *Psikhologiya myshleniya* [The Psychology of Thinking]. Moscow, Progress Publ., 1965, pp. 387-396.

14. Sekey L. *Produktivnye protsessy v obuchenii i myshlenii* [Productive Processes in Learning and Thinking]. *Psikhologiya myshleniya* [The Psychology of Thinking]. Moscow, Progress Publ., 1965, pp. 366-386.

15. Fress P. *Razvitie eksperimentalnoy psikhologii* [Development of Experimental Psychology]. Fress P., Piazhe Zh., eds. *Eksperimentalnaya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Moscow, Progress Publ., 1966, iss. 1, 2, pp. 15-98.

16. Yaroshevskiy M.G. *Geshtaltpsikhologiya* [Gestalt Psychology]. *Psikhologicheskii leksikon. Entsiklopedicheskiy slovar v shesti tomakh: Obshchaya psikhologiya* [Psychological Lexicon. Encyclopedic Dictionary in Six Volumes: General Psychology]. Moscow, PerSe Publ., 2005, p. 44.

17. Bartlett F.C. *Thinking: An Experimental and Social Study*. London, Allen and Unwin, 1958. 203 p.

18. Berline D.E. *Structure and Direction in Thinking*. New York, Wiley, 1965. 378 p.

19. Duncker K. *On Problem-Solving*. *Psychological Monographs*, 1945, vol. 58, no. 5, pp. 1-113.

20. Koffka K. *Principles of Gestalt-Psychology*. New York, Harcourt Brace & Co, 1935. 720 p.
21. Köhler W. Gestalt-Psychology Today. *American psychologist*, 1959, vol. 14, no. 12, pp. 727-734.
22. Köhler W. *Psychologie de la forme*. P., Gallimard, 1964. 375 p.
23. Radford J., Burton A. *Thinking: It's Nature and Development*. London, Wiley, 1974. 440 p.
24. Schulz D.P. *A History of Modern Psychology*. New York, London, Acad. Press, 1969, vol. XVII. 346 p.
25. Szekely L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls. *Acta Psychologica*, 1940, vol. 5, no. 1, pp. 79-96.
26. Szekely L. Die Schöpferische Pause. *Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken: Beiträge*. Bern u. a., Hüber, 1976, pp. 140-170.
27. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen Über das Kreative Denken. *Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken*. Bern u. a., Hüber, 1976. 358 p.
28. Wertheimer M. *Productive Thinking*. London, Ass. Book Publ., 1966 (First Ed., 1945). 302 p.

THE PROBLEMS OF CREATIVE THINKING IN THE WORKS BY LAJOS SZEKELY

Vladimir Aleksandrovich Mazilov

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Department of General and Social Psychology,
K.D. Ushinsky's Yaroslavl State Pedagogical University
v.mazilov@yspu.yar.ru
Respublikanskaya St., 108, 150000 Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. The article analyzes views on creativity and creative thinking of the famous psychologist and psychoanalyst Lajos Sekey (1906-1995). The key milestones of the biography of this extraordinary scientist are traced. It is shown that he began its research career as a representative of the school of Gestalt psychology the fundamental ideas of which he decidedly supported. The comparative analyses of Lajos Sekey's works published over different periods makes the evolution of his views evident. The author investigates Sekey's studies on creative thinking during a creative pause which are separated by almost thirty years interval (1940 and 1968). The comparative analysis states the changes in Sekey's position. It is particularly important to note organic combination of ideas of Gestalt psychology both with psychoanalysis and ideas of Piaget and J. Bruner. Sekey was successful in developing a special method. It consists of the use of the traditional psychoanalytic procedures for the sake of the investigation of creative thinking and of the solving of problems that have live importance. It is worth stating that a creative pause as a separate stage of thinking never can be "simulated" in the laboratory setting. This is a stage that really differentiates genuine practical thinking from its artificial laboratory models. In our view the evolution of the Gestalt concepts of thinking follows the way of spontaneous integration. This means it demonstrates the tendency to use complex descriptions involving borrowing, close "interaction", cooperation, and communication with other research approaches. This spontaneous integration makes a psychological conception go beyond the "framework" of the scientific school. This is inevitable because comprehension of the "psychological" given in all its entire and real complexity is ever in the conflict with the "narrow" theoretical settings. In our opinion, this is one of the ways of the development of psychological knowledge.

Key words: thinking, creative thinking process, L. Szekely, psychoanalysis, consciousness, unconscious, representation, creative pause.